

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!

Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не
    подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
    Зов дельфина
Герой ее романа
    Верь в меня
    Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
    Будем как боги
Зеленая тетрадь
    Прости
Неслучайные встречи
    Натурщица

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

ОЛЕГ
РОЙ

Натурица

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Редактор серии
Валерия Горюнова

Художественное оформление
Дарья Васильченко

Рой, Олег.

Р65   **Натурщица** : роман / Олег Рой. – Москва : Эксмо, 2023. – 384 с.

ISBN 978-5-04-180083-3

Мечтательная Сима с детства любила придумывать свое «кино», фантазируя о принцах из далеких стран. Однако судьба никогда не была к ней благосклонна, заставляя ее вновь и вновь преодолевать трудности и собирать себя по кусочкам. Настрадавшись из-за предательств мужчин, она решает круто повернуть свою жизнь, сменив профессию и переехав в большой город. Но что, если детские фантазии вдруг станут явью? И загадочный принц материализуется на пороге салона красоты, в котором работает девушка?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© О. Рой., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180083-3

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

ПРОЛОГ

«Вот стыдоба, — пронеслась в голове Симы паническая мысль, затрепетала испуганным воробушком. — Стыдобища... Как я только могла на это согласиться, дура... Что я тут делаю?! Сижу голая перед мужиками. Кошмар, просто кошмар...»

«Не голая, а обнаженная», — тут же возразил в ее же, Симиной, голове голос Ани, администратора арт-пространства, художественной студии «Четвертое место».

— Не голая, а обнаженная, — подняв палец, поправила Анна, когда они беседовали перед самым началом сеанса живописи, на который Сима согласилась прийти. — Есть разница. Это в бане, извините, голые. И на нудистском пляже. А здесь вы — модель. Мне не особенно нравится слово «натурщица», но оно просто издавна прижилось, да и полностью отражает суть. На-ту-ра. То есть натуральная, без одежды. Природная. Помните, как у Пруткова? «Тихо над Альгамброй, дремлет вся натура...» То есть природа дремлет.

Нет, Сима не помнила, «как у Пруткова». Она, собственно, даже не знала, кто он такой, этот Прутков. Кажется, в школе такого поэта не проходили. Учи-

тельница русского и литературы у них была просто ужасная, всего за несколько лет она ухитрилась напроочь отбить у всего класса любой интерес к чтению.

— «Дремлет замок Памбра, спит Эстремадура», — весело продолжала декламировать Анна.

— Не помню, — вздохнула Сима. — То есть очень смутно.

Анна внимательно взглянула на нее.

— Да и не надо, — неожиданно смягчившимся тоном сказала она. — Вам же не экзамен по литературе тут сдавать. Это Козьма Прутков, он мне просто нравится. «Дайте мне мантилью, дайте мне гитару, дайте Инезилью, кастаньетов пару» — ну и так далее.

Сима вежливо улыбнулась.

— Ну вот, — улыбнулась и Анна. — Развеселились наконец. А то вы что-то совсем оробели. Представьте, что вы просто... в костюме Евы. И все.

— Ну да... И все... — вновь растерянно пробормотала Сима.

— Да вы не волнуйтесь! — заверила Анна. — Все будет в порядке. Преподаватели практически все мужчины, и ассистенты-помощники (сегодня это Константин) тоже, но какая вам разница?! Вы пришли на работу, вот и все.

— А зачем ассистенты? — испугалась Сима.

— Обогреватели подключить, натуру посадить как нужно, печеньки принести, воду в кулере поставить, если кончилась, — отмахнулась Аня. — Обычное в процессе дело.

Они уже шли по коридору.

— А долго меня сегодня будут рисовать? — поинтересовалась Сима на ходу.

— Писать, — поправила Аня. — Это будет сеанс живописи. Обычно, когда собирается группа художни-

ков, сеанс длится часа четыре. Не пугайтесь – часы академические. То есть по сорок пять минут. Ну, плюс-минус. И минут пять-десять перерыв. Здесь не особо строго, не по звонкам, все же не учебное заведение. Это делается в основном для моделей, чтобы художники их не уморили. Шучу. За этим тоже, кстати, ассистент следит, а то художников иногда заносит, остановиться не могут, а моделям отдых нужен. Можно и во время позирования разминаться, не застывать столбом – это ведь тяжело, особенно с непривычки. Можно чаю попить, кофе. Там кулер в углу, чашки одноразовые. Сахар, ложечки. Сушки какие-нибудь. Так и скажете, если что – «перерыв на чай», ничего страшного. Главное – удобно сесть, чтобы не затекало ничего. Расслабиться и просто думать о своем.

– Да уж, подумать ой как много над чем нужно, – вздохнула Сима. – А в обычной жизни просто сидеть некогда – то одно, то другое...

– Вот именно, – улыбнулась администратор. – И да, сегодня не новички, а нормальные художники, у некоторых звания. Так что все серьезно.

Сима вдруг остановилась и всплеснула руками:

– Ой! Я растяпа...

– Что такое? – не поняла Аня.

– Я паспорт забыла, – огорченно ответила Сима. – И что теперь делать?

– Да ну, ерунда какая, – усмехнувшись и махнув рукой, сказала Аня. – Он вообще не нужен. Вы же не в штат устраиваетесь, да у нас и штата натурного как такового нет – всякий раз договариваемся с конкретным человеком. Деньги в конвертике получите, так что вообще о паспорте забудьте – вот еще... Ну, с богом. Все получится. Костя вам все объяснит. Да, Костя?

— Аск, — солидно кивнул тот и вдруг заразительно улыбнулся: — Еще не раз захотите нас посетить, у нас классно.

Костя был молодым, густо заросшим бородой, очень приветливым и легким в общении, так что Сима еще больше успокоилась.

Хорошо, что ей изначально разрешили сидеть в трусиках телесного цвета. Хорошо, что она к своим тридцати пяти годам не набрала жирка. Тогда бы вообще не знала, куда деваться от конфуза. Волшебный обмен веществ, гены и природная умеренность в еде позволяли ей долгие годы после девичества оставаться худощавой.

Нет, внешность и фигура Симы не были модельными. Ей очень подходило определение «нормальная». Такая среднестатистическая шатенка с глазами цвета чая и тихой улыбкой.

Сейчас она сидела на самом обыкновенном стуле, на сиденье которого была брошена плоская подушечка, а на спинку — белая драпировка. Сам стул стоял на подиуме, рядом помещался другой стул, куда Сима стыдливо положила свой халатик — до того как в аудиторию войдут работать художники, надо было подготовить саму постановку.

— Так, электрический свет нам для живописи не нужен, тем более сегодня дневной хороший, — приветливо бросил Костя, убирая в угол треногу, на которой был закреплен софит, и пошире распахивая шторы. — Не переживайте, с улицы вас не видно.

Сима опять незаметно перевела дух.

— Садитесь, как вам будет комфортно, — ободряюще продолжал помощник. — Стоя вам без навыка будет сложно, да и надо ли? Ничего, попишут сидящую натуру. Голову чуть вправо. Можно правую ногу чуть вперед? Спасибо. Руку правую просто положите на бедро. Да, на правое. А левую руку...

Он задумался.

— Сможете левую руку положить сзади на сиденье стула? Да, так хорошо. Только сильно опираться не надо, а то рука затечет... Отлично, то, что нужно. Хорошая пластическая поза.

Сима улыбнулась уголком рта. Она — «хорошая пластическая поза». Она — функция. Не живая Серафима Викторовна Смирнова, а что-то вроде гипсовой пирамидки. Голая... то есть обнаженная гипсовая пирамидка в трусиках телесного цвета. В костюме Евы. Ну и пусть. Деньги нужны очень, особенно сейчас, когда напасть за напастью. А здесь ей обещали более чем хорошие деньги... За четыре академических часа. И ничего не делать. За маникюр она получала гораздо меньше. Да вообще деньги обещали такие, что можно было подумать, что... но о таком лучше как раз не думать.

Сима честно пыталась представить, что она не голая, а именно что в костюме Евы. «Спит Эстремадура. А я тут как дура», — сочинились строчки, и она чуть не фыркнула, но сдержалась. А то войдут и подумают, что она вправду дурочка — сидит в одиночестве и хихикает.

И вот они вошли, художники, писать ее, Симу, и сердце сделало кувырок, дыхание чуть сбилось, а к щекам прилил жар. Они, конечно, не все разом зашли, а втекали неспешными ручейками — одна фигура, вторая, третья... Сима наблюдала искоса, боковым зрением, сидя прямо, словно аршин проглотила. Она должна здороваться? Или они? Или... Как это вообще тут принято?

— Ну, что, приветствую вас, коллеги, — негромко сказал вошедшим Костя, — модель на месте, и я не буду вам тут отсвечивать и мешать. Но если что, зовите, я рядышком, вы знаете где.

ОЛЕГ РОЙ

И ушел. «Представляете?!» — трепыхнулось в голове последнее паническое, и Симу внезапно отпустило.

Все. Ее ведь никто не ест, можно расслабиться. Тем более что, судя по окружающим, ничего особенного не происходит. Значит, надо настроиться на обычный рабочий лад. Она — пластическая фигура, и все тут.

Самое время подумать, «как же она дошла до жизни такой»...

ЧАСТЬ I

Как Сима дошла
до жизни такой

Глава 1

«НУ ЧТО, СТРЕКОЗА, ОТЛЕТАЛАСЬ?»

А жизнь на периферии не сахар.

Кто рожден в большом городе, тому абсолютно неведомы проблемы маленьких городков, тем паче сельских поселений, а уж деревень-то...

Такая неаппетитная подробность, как отхожие места, к примеру. (Если кто за столом в данный момент, то прошу прощения за то, что на какое-то время придется отложить вилку.)

Так вот, двадцать первый век, на минуточку. Ну ладно, конец двадцатого. Но все равно! Кто-нибудь может вообразить, что в двухэтажном деревянном доме на несколько семей туалетом может быть самая обыкновенная, извините, дыра в деревянном стульчаке? Зачем нам об этом думать, скажете вы. Да затем, что «цивилизация начинается с канализации». А мы же люди цивилизованные, правда?

Ну хорошо, оставим этот вопрос. Но и все прочие темы периферии далеки от романтики. «Груба жизнь», как сказал некогда Чехов. Например, если жить в деревне, где практически нет никакой работы, а кушать-то надо и семью кормить. И, соответственно, как-то до этой работы добираться. Жизнь на отшибе цивилизации, в принципе, чаще всего безрадостна, а не зная истинных ее реалий, можно даже не поверить, что в наше время такое бывает.

Сима родилась в деревеньке Каменка, в Рамешковском районе Тверской области. Деревенька была в десяти километрах от районного центра. Мать Симы, Екатерина Сергеевна, работала бухгалтером в лесхозе и каждый день преодолевала это расстояние — летом на велосипеде, а зимой на автобусе. Остановка же автобуса была не вот чтобы «за углом», а в соседней с Каменкой деревне Прислон — до нее было три километра. Если переполненный автобус проезжал мимо (а такое бывало нередко), то эти десять км приходилось топтать пешком. Летом и при хорошей погоде еще было терпимо, а вот представьте, каково это в ливень — когда грязь разъезжается под ногами, а сырой ветер пронизывает до костей. Или когда по нынешним погодам твои ноги месят сырую ледяную кашу. Не верится и не хочется даже представлять, правда? Но человек ко всему привыкает...

Сима отчетливо помнила, как стояла на дорожке у дома и ждала маму. Это было так волнующе — ждать маму! Сима напряженно всматривалась далеко за горизонт, боясь пропустить главный момент. Она была «впередсмотрящей» и стояла на носу корабля. Когда она была совсем маленькая, ей нравилось думать, что она стоит именно на носу корабля и от того, что она увидит, зависела вся команда. А какая команда? Она сама, Сима, да медведь Топтыжка. Этого медведя подарил ей папа (он тогда был трезвый и добрый), и Сима всегда спала не иначе как с медведем в обнимку. И с собой его брала — встречать маму. Мамин облитый солнцем силуэт на велосипеде появлялся в конце улицы, и сердце радостно вздрагивало. Она не знала, как правильно должен кричать впередсмотрящий, и всегда кричала:

— Земля!

Девочка в каком-то фильме видела, что взбудораженный матрос, вцепившись в канат, смотрел на горизонт, размахивал своей шапкой и кричал: «Земля!», — и лицо у него было очень радостное.

— Почему «земля»-то? — смеясь, спросила как-то мама, услышав дочкин ликующий вопль.

Та объяснила как могла:

— Mam, просто очень ты долгожданная! А я как будто на кораблике и вперед смотрю, а тут вдруг ты.

Мама на минуточку задумалась.

— Ну... Если на кораблике, тогда они вроде как кричат: «Прямо по курсу», что ли.

— Я тоже буду кричать: «Прямо по курсу!» — подпрыгнула и захлопала в ладошки девочка.

Как любому ребенку, ей хотелось радоваться жизни, но в их деревне радостей и развлечений было маловато. Жил на их краю мужичок, его все звали Шутник, потому что он, слегка подшофе, любил на улице приставать к односельчанам с вопросом: «Эй, ты чего мои штаны-то надел?! Да я шучу-у!»

Ну или вот сосед, дядя Коля Котызин, — один раз, напившись гораздо сильнее, чем Шутник, он, сбегая со ступенек своего крыльца, не рассчитал силы. Пробежав до заборчика, он ткнулся в него головой, упал да так и заснул. Сима потом играла «в Котызина» — сбегала с крыльца, нарочито шатаясь, пробежала несколько шагов до заборчика, с криком «Бу-ум!» стучалась в него растопыренными руками, падала и делала вид, что спит, свернувшись калачиком. Мать хватала ее в охапку: «Горе ты мое!» — и уносила в дом, а Сима очень веселилась.

Весь мир был для нее игрой, и одно время ей очень нравилась морская тематика. Вероятно, запомнился какой-то из фильмов, которые Сима очень любила смотреть по их старому телевизору. Таращилась глазенками в «движущиеся картинки» с самого младенчества и хорошо под них засыпала. Книжек в их доме почти не было, а уж фильмы — это были потрясающие миры, в которые Сима ныряла с головой.

Как-то раз после сильного дождя у них посреди двора образовалась большая лужа. Для пятилетней Симы

она, понятное дело, была морем. Сима надела мамины резиновые сапоги (своих у нее еще не было) и, осторожно подволакивая ноги, стала входить в эту лужу все дальше и дальше, пока не оказалась на самой ее середине. И вода в луже тоже дошла выше, чем до середины маминых сапог. Сердце девочки зашло от восторга. Она стояла в самом центре моря! И чувствовала себя настоящей Владычицей Морской.

— Я — царица морей, — тихонечко сказала Сима сама себе.

И ей очень это понравилось. Царица морей! Не только этого, а вообще всех! И она стала представлять себе, что начался шторм и поднялись большие-пребольшие волны. Пожалела, что не догадалась сделать ни одного бумажного кораблика, и сама стала раскачиваться, как кораблик. И от нее в самом деле стали расходиться волны. В воображении Симы это были огромные изумрудные валы, обрушивающиеся на незащитное суденышко. Но получилось так, что Сима не учла ни вязкости дна, ни того, что сапоги были очень не по размеру — и она сама стала незащитным суденышком. После очередной раскачки ее маленькое тельце повело в сторону, а сапоги застряли в жидкой каше на дне лужи. И бедная девочка, конечно, плюхнулась, подняв на этот раз настоящую волну, а потом разразившись ревом. Так было обидно! Царица морей, а упала, как будто самая обыкновенная пятилетняя девочка, в самую грязь...

Все дети, заигравшись, могут упасть, экое дело. Но родители на это реагируют по-разному. Кто знает, что было бы, если бы это увидела мама, но та в это время кормила кур на заднем дворе, и падение царицы морей узрел отец. Так Сима узнала новое слово.

— Ах ты, шалава малолетняя! — сердито закричал Виктор Иванович, выбегая из дома.

Брезгливо схватив дочь за бока, он выдернул ее из лужи (один сапог так и остался торчать в ее центре па-

мятником неудавшемуся царствованию) и держал на вытянутых руках.

— Катька, — воззвал он в сторону курятника. — Забери шалаву эту! Всю рубаху мне изгадила!

Отец кричал и другие слова, которые Сима уже успела узнать от него, как знала и то, что слова эти нехорошие и ругательные. Он говорил их в те дни, когда от него, как и сейчас, пахло водкой, и Сима давно поняла, что водка — это плохо. Потому что папа кричит на маму и иногда даже дерется с ней. Ну, как дерется. Он, конечно, гораздо сильнее мамы, раз большое полено может расколоть одним ударом колуна, поэтому мама просто его отталкивала, но ей иногда здорово доставалось. Это всегда было очень страшно, и сейчас Сима, пересилив себя, перестала плакать и сжалась в комочек в ожидании развязки.

Развязка наступила очень быстро. Прибежала мама, выхватила Симу из отцовских рук:

— Горе мое! — и отцу: — Да уйди ты, Витька, черт пьяный! Спать иди!

Как ни странно, отец безропотно пошел. Как потом выяснилось, не спать, а «догоняться» — то есть пить дальше.

Было лето, поэтому искупать перепачканного ребенка не составило особого труда. Симины одежки Екатерина Сергеевна сразу бросила в стоящий во дворе таз, а дочку быстро ополоснула водой из бочки, черпая ее висевшим там же ковшом. Вытерла, переодела в сухое и забрала с собой. Посадила на траву на старый, но чистый вязаный коврик, закутала в ватник и продолжала кормить кур. А дальше... Сима запомнила суету и тряску и то, как страх от криков пьяного отца перешел в покой, когда она, уже переодетая, сидела на вязаном тряпочном коврике, а ватник был для нее как одеялко. В тепле и приятной полудреме она вдруг увидела совсем другую картину — вот она сидит на ковре-самолете, рядом трезвый отец в белой рубашке. Мама наливает всем чай, и рядом

стоит большое расписное блюдо с ароматными пирогами. Ветер развеивает мамины волосы, и мама такая красивая-красивая, а отец добрый-добрый. Ямочка на щеке. Он когда улыбается, у него на щеке появляется ямочка. Жалко, что он так редко улыбается... И еще птицы поют. То есть птицы кудахтали, как куры, — в воображении Симы.

— Мам, а что такое «шалава»? — вспомнила вдруг Сима.

— Слово нехорошее, — буркнула мать. — Не повторяй всякое.

— Это папа сказал, — не сдавалась пытливая дочь.

— Папа скажет так уж скажет, — хмыкнула Екатерина Сергеевна. — Не повторяй, говорю, плохие слова, бранные. Слушайся мать!

И Сима послушалась и стала «досматривать свой фильм» с ковром-самолетом, ведь это было гораздо лучше, чем нехорошие слова. Вскоре она угрелась под ватником, а потом провалилась в сон, и сон был тоже красочный и радостный. Но когда она проснулась дома под настоящим одеялом, реальность оказалась лишенной красок и наполненной все той же руганью и страхом — отец появился, громыхая чем-то на весь дом и падая, как дядя Коля Котызин. Мама поспешно унесла маленькую Симу соседке бабе Вале. Баба Валя всегда пускала к себе маму, жалела ее, а отца шугала.

Отец бабу Валию побаивался, у нее младший брат в Твери милиционером работал, и только этим милиционером отца на какое-то время можно было припугнуть и утихомирить. Потому что несколько раз он приезжал к сестре в деревню и даже заходил к ним с мамой — большой-пребольшой, как двустворчатый шкаф. Говорил он, как в бочку гудел, — басовито и раскатисто — про какую-то «тюрягу» и, что удивительно, совсем не пил. Баба Валя говорила про брата: «Больная печень». А когда Сима оказывалась у нее в гостях, что бывало частенько, то ее тоже сажали перед включенным телевизором.

Сима и в самом деле очень любила смотреть фильмы. Как ни странно, они нравились ей гораздо больше, чем мультики.

— Почему, доча? — поинтересовалась как-то Екатерина Сергеевна.

— Ну, мам, мультики же невсамделишные, — объяснила дочка. — А тут все взаправду.

Она искренне считала, что так, как в фильмах, — это и есть взаправду. Даже более взаправду, чем в жизни. Поэтому иногда, когда отец напивался, он представлялся ей каким-то лесным волосатым чудовищем. Он и на маму в ее «собственных фильмах» кричал этим словом «шалава», а Сима запомнила, что оно нехорошее. Но она никогда не верила, что ее добрая мама может быть какой-то там «шалавой». Ей представлялось, что это что-то вроде ожившего лохматого шалаша из веток с листьями, такая своеобразная избушка на курьих ножках, в которой сидит злобная крючконогая карга. Карга, подхватив свой шалаш двумя руками, как подол платья, бегала и пинаясь лохматыми, как у отца, ногами, обутыми в тяжелые армейские ботинки, добытые им где-то в городе на барахолке. Кто-то, может быть, и посмеялся бы над такой картиной, но Симе было совсем не до смеха — ей было страшно, потому что папа действительно в пьяном угаре сильно пинался. Сколько раз он попадал ботинками маме по коленям, и мама беззвучно плакала, а потом долго и сильно хромала после очередной отцовской бучи.

Симе было очень жалко маму, но что она могла поделать? Ведь никакой добрый молодец никогда не приходил к ним на выручку. И воображаемые «фильмы» постепенно из светлых и радостных становились все более мрачными, а сны сменялись кошмарами, от которых девочка посреди ночи с криком и плачем просыпалась.

— Дядька злой пришел, — сквозь слезы объясняла она перепуганной спросонья маме.

— Какой дядька?

- Дядька папа...
- Не говори так, доча, — вздыхала мать.
- Ладно, не буду, — соглашалась дочь.

Но Сима все чаще про себя так его и называла — «дядька папа». Она даже маме боялась в этом признаться, потому что об этом мог случайно узнать отец, которого Сима со временем стала бояться как огня. И только любимый медвежонок Топтыжка напоминал ей о том, что когда-то, давным-давно, отец был добрым и хорошим.

Но всему приходит конец — и терпению Екатерины Сергеевны он тоже пришел. В один прекрасный — но вряд ли это определение здесь уместно — день, когда отца послали на машине в командировку с ночевкой, она спешно собрала свои и дочкины нехитрые пожитки и ушла из дома. Сима очень ярко запомнила, как они с мамой быстро шагали по дороге к остановке — в одной руке у нее был Топтыжка, а в другой портфель. Симе было тогда восемь и училась она во втором классе. К этому времени Сима уже многое понимала. Что спасение ниоткуда точно не придет, а спасение утопающих — это дело рук самих утопающих. И что маму она должна беречь и не огорчать — и так огорчений хватает. Поэтому она делала все, что было в ее пока еще детских силах, — помогала по дому и училась без троек. И еще постоянно что-то чирикала в блокнотике — то маленьких птичек, то цветы.

— Ишь, ловкие какие, — заметила как-то мама, заглянув ей через плечо, что там дочка рисует. — А что такие маленькие-то?

Сима пожала плечами:

— Ну... так. Нравится все маленькое рисовать. Аккуратненькое.

— Ну, рисуй-рисуй, — погладила ее мама по голове. — Уроки-то успеваешь делать?

— Конечно. — Сима заторопилась и с гордостью развернула дневник: — Смотри, по русскому четыре, по математике четыре, а по рисованию целая пятерка.

— За птичек, что ль, твоих? — пошутила мать. — Рисунья ты моя...

Они пока что переселились к маминой маме, то есть бабушке Симы в село Кушалино. Это было от работы еще дальше, но бросить ее и думать было нечего. В маленьких поселках каждое место на счету, и все держатся за свои рабочие места, как утопающие. Поэтому Сима с мамой года полтора жили у бабушки, и добираться до работы стало еще маетнее.

Но зато уже никто не устраивал пьяных драк, потому что вскоре после переезда мама Симы подала на развод.

— На алименты еще подай, — жестко и строго сказала бабушка. — Не прокормиться так.

— Ну так неужели, — ответила Екатерина Сергеевна.

А через полтора года им чудом дали комнату в бараке в Рамешках — деревянном доме на три семьи. Из удобств — печка, вода во дворе в колонке, а туалет — все та же дырка, хоть и в доме. Но спалось уже спокойно — без кошмаров...

Отец один раз, в самом начале, приехал «за семьей», чисто одетый, трезвый. Но мать устроила ему неожиданно бурный «от ворот поворот» — похоже, они оба такого отпора не ожидали. За Катю все встали горой, а он почувствовал себя не в своей тарелке — пришлым, ненужным, лишним. Быстро стушевался и «свалил в туман», как выразилась мама. Пытался там, дома, распускать про «бывшую» всякие слухи, но односельчане прекрасно знали про их быт все. Поэтому не верили, но помалкивали, и только мужики по пьяной лавочке из мужской солидарности поддакивали и бодрились: «Да мы ей...» Но до дела никогда не доходило. А потом Виктор Иваныч подался шоферить куда-то совсем далеко, да так след его и затерялся. Алименты, правда, приходили — и то ладно.

Как они жили? Выживали. Лихие девяностые — для всей страны время нелегкое, а уж для небольших городков, поселков и деревень — тем более. Мать приходила

с работы поздно, валилась с ног, и хозяйство очень быстро перешло в руки маленькой Симы. Спасали маленький огород да оптимизм мамы, всегда повторявшей: «Если уж в войну люди выжили, то и мы справимся».

Так Сима потихоньку постигала взрослую сельскую жизнь, без иллюзий. Но у нее было «ее кино». Да и мама, зная о дочкином пристрастии, всегда отпускала ее в местный клуб на всякие фильмы. Привозили разные, в том числе и иностранные. А уж когда они вместе выбирались иногда в Тверь, посещения кинотеатра были обязательными и торжественными — ну как еще могла Екатерина Сергеевна порадовать дочку?

Как-то раз, когда Сима училась уже в пятом классе, мама приехала с работы позднее обычного, но очень оживленная и радостная, с большущим букетом ромашек. А ромашки были не такие, какие у них в полях растут, а другие — большие, как довольные собой солнышки.

— Мам, это чего? — спросила Сима.

— Ничего, — ответила мама и почему-то смущенно засмеялась.

— Хахаль, что ли? — подтрунила соседка.

— А хоть бы и хахаль, — задорно вскинула голову Екатерина Сергеевна. — Тебе что?

— Да ладно тебе, — добродушно мотнула головой та. — Дело молодое, тебе еще гулять да гулять.

— Не до гуляний, — хмыкнула Екатерина Сергеевна и поспешно унесла к себе свои ромашки и не слышала, что тихонько сказала ей в спину соседка — впрочем, беззлобно и со вздохом:

— Ну, да, какие уж гулеванья, с прицепом-то...

К пятому классу Сима уже, конечно, знала, и что такое хахаль, и что такое прицеп. Прицеп — это она, Сима. А хахаль — новый мамин муж, наверное.

Воображение давно, до «хахалья», рисовало ей мужчину для мамы — в клетчатой рубашке, джинсах, шляпе и с си-

гарой в зубах. Ковбоя, наверное. Сима обожала фильмы, где были ковбои. Правда, там индейцы были добрее и красивее, но Сима придумала «хорошего» ковбоя, в сапогах со шпорами.

— Мэм, — церемонно сказал маме ковбой и приподнял свою шляпу.

— Да ладно, — смущенно сказала мама и хихикнула в ладошку.

А тот, как заправский фокусник, достал откуда-то из-за спины большущий букет ярких ромашек и протянул их Екатерине Сергеевне.

— Это чтобы вы не грустили, мэм, — пояснил ковбой. — Это не простые ромашки, а маленькие солнышки.

Это было очень романтично. Тут откуда-то появилась и лошадь ковбоя, серая в яблоках. Она была спокойной и очень умной, потому что появилась в нужный момент. Ковбой подхватил маму, прижимающую к себе ромашки, и посадил на лошадь (мама тихонько сказала: «Ой»), а затем вскочил в седло сам. И они ускакали в направлении заката.

Симе было немного грустно, ведь она осталась на дороге одна. Но она знала, что мама достойна того, чтобы ее увезли в сторону заката на серой в яблоках лошади и с букетом. В конце фильмов счастливые героини частенько удалялись в сторону заката, и на этом заканчивался фильм. Но Сима знала, что это заканчивались их горести и начиналась новая беспечальная жизнь. Вот бы так и было всегда!

Когда Сима стала старше, она поняла, что в одноклассниках понимания бы не нашла, расскажи она им про «свое кино». А так хотелось хоть с кем-нибудь поделиться. Но подружки предпочитали не уходить в мечты, а жить реальностью — обсуждали друг с другом насущные дела, наряды, мальчишек, танцы в полуразвалившемся сельском клубе под хрипящий древний магнитофон и при свете единственной лампочки. Маме иногда,

правда, рассказывала. Не все, конечно. Но про ковбоя рассказала.

— Фантазерка ты моя, — вздыхая, говорила мама. — Как ты жить-то будешь, а? Надо с небес на землю спускаться.

— Мам, но там все красивее, — оправдывалась Сима. — А если верить в красивое, оно сбудется.

— И по Волге приплывет к нам корабль с алыми парусами, — улыбаясь, отмахивалась Екатерина Сергеевна.

Поэтому и мама как соратница мечтаний отпадала. Но ведь «ковбой» из фантазий переместился в реальность вполне осязаемым и настоящим, да еще и с таким же букетом из солнышек! И это случилось примерно через месяц после знаменательного букета из «Симиного кино». «Может, я волшебница?» — подумала Сима, но маме ничего про это не сказала, конечно.

Мама привела его в гости к ним в барак воскресным утром, а в пятницу, приехав домой с работы раньше обычного, она у дочери и вовсе отпросилась.

— Я ночевать, доченька, сегодня не приду, — смущенно, но решительно сказала она Симе. — И на завтра, на субботу, меня тоже отпусти. Так надо. Смотри, веди себя хорошо. Я утром воскресенья приеду...

Насчет «веди себя хорошо» это было лишнее, рассудила Сима. Ей же не три года. Да уж и не десять, все-таки пятый класс. В этом возрасте Сима умела и готовить (самое простое, конечно, — яичницу, кашу, картошку), и стирать, и гладить мелочовку — нижнее белье, полотенчики.

— Ну, надо так надо, — покладисто сказала Сима и великодушно добавила: — Если хочешь, можешь на несколько дней даже уехать, хоть на неделю. Я не пропаду, продукты-то все есть.

Екатерина Сергеевна коротко и смущенно хохотнула, покачала головой, махнула рукой, и глаза ее подозрительно блеснули. Сима испугалась, что мама сейчас заплачет, и быстро спросила:

— Мам, а он не будет тебя обижать?

Вместо ответа Екатерина Сергеевна судорожно прыгнула к себе дочь:

— Большая какая, все ведь понимаешь... Да не будет. Не будет, да я и не дамся! Все, бегу на автобус, последний он. Обед в холодильнике. Я приеду скоро!

Мама выбежала за дверь.

И Сима решила, что она ни за что никому не откроет, даже соседке — а то начнет еще расспрашивать и глупо и противно шутить. Девочка попила чаю, посмотрела по телевизору фильм про Тома Сойера (хорошо, что было лето и можно было не готовить уроки) и, конечно, принялась мечтать перед сном, уже удобно расположившись на их с мамой кровати. Что раздастся мелодичный звонок (которого у них не было), и на пороге возникнет фигура в белом костюме и с пышным букетом ярко-красных роз. Это ковбой переоделся для торжественности, ведь он теперь мамин жених...

Конечно, он был никакой не ковбой, а главный бухгалтер с маминой работы в лесхозе. Она знала это по обрывкам разговоров взрослых и видела его несколько раз — когда мама брала ее с собой на работу. Смешной такой, добрый, мягкий, улыбчивый и тихий. Говорили, что женат он еще ни разу не был — наверное, ждал Симинову маму. Это казалось девочке очень логичным. По странному стечению обстоятельств его звали тоже Виктором, как и Симиного отца, только он не пил и не дрался и, значит, был хорошим.

В пятницу девочке снились радужные сны, где она шла гулять с мамой и ее женихом, а в субботу она проснулась и почувствовала себя совершенно взрослым самостоятельным человеком. Приготовила яичницу с хлебом, помидорами и колбасой, поела, прибралась в комнате, посмотрела по телевизору комедию. В кухне соседи, конечно, всю субботу судачили, пытались Симу расспрашивать: «А мама надолго ли поехала? А куда? А с кем?» — но

девочка молчала как партизан и старалась лишний раз в кухне не показываться.

В воскресенье проснулась очень рано — ведь обещала приехать мама. А вдруг она не одна приедет, а с женихом?!

Сима была настроена очень решительно. Она собиралась испечь блинчики (мама показывала ей, как это делается, и девочка запомнила), а заодно строго-настрого сказать жениху, что маму обижать она не позволит. Он, конечно, хоть и кажется добрым, но мало ли. Может, сказать ему, что она стукнет его сковородкой, если что?.. Нет, это как-то по-детски. Ну, может, предупредить его, что, если он будет пить и драться, они с ним тоже разведутся, как и с отцом, которого Сима стала потихоньку забывать?.. Нет, это неудобно, он ведь еще даже не приехал...

А как же ей, Симе, теперь называть его? Родного отца она называла «дядька папа» — потому что он и вел себя как совершенно чужой да еще и противный дядька. Этот тоже чужой. А скоро будет свой, то есть мамин. Может, его папой надо называть? Это как-то странно будет. Ну, может, потому что она еще не привыкла?..

Сима так волновалась, что не могла больше думать ни о чем другом. Она перебирала в голове разные варианты развития событий, а между делом пекла блинчики. Это ее успокаивало. Тем более что блинчики получались вкусными — Сима уже сама съела несколько штук. Мама научила ее некоторым хитростям, чтобы блинчики получались ажурными, тоненькими и не рвались, когда переворачиваешь, — надо просто влить в тесто немного крутого кипятка. Ну, и периодически смазывать сковородку кусочком сала. А сковородка у них была то что надо — легенькая, удобная, и, выпекая блинчик за блинчиком, Сима успокоилась совершенно и даже подумала, что выдумала все. Ну, какой еще жених!

И тут-то они и пришли. Мама появилась первая, с растерянной и смущенной улыбкой, а в руках у нее

был огромный букет красных роз. За ней, смущенный не меньше, шел мамин сослуживец... в белом костюме. Не в таком роскошном, конечно, как представила Сима в «своем кино», а просто в светлых летних брюках и белоснежной рубашке с коротким рукавом — но все-таки!

«Вот я же маме и говорила, что если верить в красивое, оно сбудется. И сбилось. И, значит, я все же волшебница», — подумала довольная Сима.

Она подбежала к маме и обняла ее, а потом весело поздоровалась с ее спутником:

— Здравсьте! Я Сима.

Пусть они и виделись мельком на маминой работе, но это же было совсем, совсем другое!

— Виктор Семенович, — осторожно пожимая Симины тонкие пальчики, представился тот и протянул ей круглую коробку с шоколадным тортом.

— Спасибо, — улыбнулась девочка. — Это мой любимый торт! А я блинчиков напекла.

— Хозяюшка она у меня, — одобрительно сказала Екатерина Сергеевна. — Не просто так хвалю, сам видишь...

— Да, с такой дочкой не пропадешь, — подмигнул Виктор Семенович. — Поможешь мне?

И он занес в комнату два больших пакета, в которых чего только не было. Из-за приоткрытых дверей шуршали соседи, но из приличия не показывались.

— Мы прямо как цари какие-то, — заметила Сима про их пиршественный стол.

Больше всего ее обрадовало то, что на столе не было водки. Правда, Виктор Семенович принес бутылку импортного ликера, но Сима успокоила себя, что ликер — это почти что вино, а вино (она знала это из кино) пьют не для того, чтобы напиться, а в торжественных случаях. А этот случай был самый что ни на есть торжественный. Сима сразу отметила, как необыкновенно сияют мамыны глаза и как смущен Виктор Семенович. И когда

он открыл вино, она поняла, что это не просто гости, а сегодня решается что-то очень важное.

— Дочка, — подняв бокал, сказала Екатерина Сергеевна и вдруг замолчала, потупившись. И тут откашлялся Виктор Семенович.

— Дочка, — повторил он. — Мы с мамой заявление вчера подали. Твоя мама замуж за меня идет.

— А я знала, — сказала Сима и, решившись, добавила: — Никогда не обижайте маму!

Жених с невестой переглянулись.

— Доча, теперь все будет хорошо, — кивнула ей мама.

И это был потрясающий день. Они даже сходили в кино все вместе, как семья, и Сима была счастлива. Но потом, когда вечером Виктор Семенович распрощался с ними и уехал домой, разговор с мамой заставил девочку задуматься. Она поняла, что за романтической составляющей происходящего есть еще и жесткая реальность — на какое-то время Екатерине Сергеевне стало слегка не до дочери.

— Дочка, пока каникулы, тебе придется у бабушки в Кушалине пожить, — извиняющимся тоном сказала мама. — Пойми, у нас все только начинается...

Сима понимала.

Конечно, ей было грустно. Ковбой все-таки посадил маму на серую в яблоках лошадь и увез в закат, а Сима осталась на дороге одна. Но, чтобы ей не было так одиноко, она представила, что к ней самой подходит какой-то худенький парень. Глаза с прищуром, темные веснушки, молчаливый — стоит, смотрит на нее, слегка улыбается, хорошо так... А она первой с ним не заговаривает, робет. Ну, это так и положено ведь, что девушка первая не должна с парнем заговаривать. И вот Сима молчит, смотрит, а внутри так тепло и щекотно делается, и коленки немного ватные почему-то.

Этот период жизни для Симы был кочевым. У Виктора Семеновича в Рамешках был свой дом, и главбух, конеч-

но, забрал маму с дочкой к себе. Новое хозяйство, новые обязанности — впрочем, к хозяйству они обе привыкли. Наступивший двадцать первый век приободрил людей: казалось, теперь все станет совсем по-другому, лучше и легче. За показным шиком семья не гналась, Виктор Семенович был противником того, чтобы пускать пыль в глаза, но теперь в доме появились новинки: современная стиральная машина, которая долго казалась и Симе, и матери почти волшебством; импортный холодильник вместо их древнего урчащего «Саратова». Отчим одевал «своих девочек» не хуже других. Екатерина Сергеевна, отдохнув от борьбы за выживание, от постоянной нужды и нехватки, расцвела.

Глядя на маму, радовалась и Сима. Лишнего она не просила, за модой не гналась — тихая, спокойная, домашняя девочка. Правда, из-за частых переездов туда-сюда оценки ее немного съехали — она была твердая хорошистка с пятерками, а тут нет-нет да и тройочки замелькали. Но Виктор Семенович оказался хорошим отчимом — заметив, что успеваемость приемной дочки поползла вниз, он стал подтягивать ее по точным наукам и никогда за тройки не ругал. А вот мама, наоборот, просто выходила из себя.

— Да что же это такое?! — всплескивала она руками. — Ты ж не поглупела у меня. Так что ты придуриваешься-то, а?! Тебе образование нужно! Иначе работу не найдешь.

Так говорили абсолютно все родители своим детям, но не все дети прислушивались. Сима была исключением. Несмотря на свои частые уходы в мечтания, она прекрасно понимала, что надо и учиться, и потом, повзрослев, искать работу.

— Пойми, — говорила мама. — Взрослая жизнь не за горами, и я хочу, чтобы ты не подломилась под ее трудностями, а спокойно шла по жизни своими ногами. Замуж бы вышла, внуков нарожала. Понимаешь, я говорю про нормальную человеческую жизнь...

Как-то раз она вот так и вправду стояла, замечтавшись, на дороге, то есть на их улице, которая вела к школе, и к ней внезапно подошел ее одноклассник Серега.

— Че грустишь-то, прицеп? — засмеялся он — ее так иногда поддразнивали, хватавшись от взрослых, но не зло и не обидно даже, она привыкла. — Пошли в кино, батя денег дал, я угощаю.

Сима, которая тогда была уже в девятом, всегда нравился Серега, хотя он и не был похож на того парня, который смутно представлялся ей в мечтах. Отец его не пил, и их семья была куда зажиточнее их с мамой маленькой семьи. Серега был веселый и шумный, и у него были каштановые волосы — почти одного цвета с Симиными. Еще у Сереги были веснушки. Ей ужасно нравились его веснушки, хотя он сам их терпеть не мог.

— Как рябой, — сердился он.

— Ничего не рябой, а очень красиво, — защищала его Сима.

— Мужуку красота не нужна, — авторитетно заявил Серега, горделиво вздернув голову. — Мужик дело делает.

И она поразилась его взрослой мудрости. А в кино он вдруг прикрыл ее озябшие плечи своей курткой и еще положил ей руку на плечо. Сима обмерла и боялась пошелохнуться. Они сидели, «как большие», и Сима была очень горда, что все было так чинно, как у взрослых. Часто в селах и деревнях молодежь бывает гораздо целомудреннее городской — даже сейчас, а в те годы тем более, хоть и докатился уже до них, как ворчали старики, «этот заграничный разврат».

А когда Серега после кино проводил Симу домой и на следующий день тоже, то все вокруг знали, что они «гуляют». При парнях он важно говорил про Симу «Моя» и никому больше не разрешал дразнить ее «прицепом». Симе это понравилось — у нее появился «благородный защитник», это было так романтично.

И они гуляли — под звездами. Высший шик — он неизменно накрывал ее плечи своей курткой. Выбрали себе звезду — красивую, яркую, в созвездии интересной формы.

— Наша с тобой будет, — небрежно, точно уже купил ее, сказал Серега. — Это созвездие Орион. Когда я был маленький, мечтал туда полететь, представляешь?

— Ага, — почтительно кивнула Сима, проникшись. — А сейчас о чем ты мечтаешь?

— Я не мечтаю, а дело делаю, — степенно повторял он то, что уже говорил ей.

И она знала, что он не врет. Он помогал своему отцу, а отец у него занимался стройматериалами и стройкой. Какие-то командировки, какие-то тайные взрослые дела — Сима не вникала. Мать была директором одного из продуктовых магазинов — должность нервная, ответственная и, конечно, хлебная — Сима тоже не вникала. Да и зачем ей было в это вникать. Она готовила себя к мысли, что ей самой нужно было становиться взрослой и серьезной и тоже «делать дела» — по своим силам, но с полной и честной отдачей.

Поэтому, едва сдав школьные экзамены, Сима с помощью мамы и отчима, подкинувших ей копейку, окончила курсы парикмахеров в Твери. Она не стала поступать ни в институт, ни в техникум, ни в училище. Уровень жизни важнее диплома — такой урок она вынесла из всего того, что видела вокруг с самого детства. Маме было тяжело — надо помогать маме, чем возможно. Сначала просто учиться хорошо, потом просто не мешать ей с ее новой личной жизнью...

И тут к Симиному плечу кто-то участливо притронулся — она даже не поняла, в реальности она или в воспоминаниях. Ой, — поняла она, — она же позирует! Го... то есть обнаженная! И вспыхнула, увидев совсем рядом с собой лицо седой женщины в очках.

— Что вы так вздрагиваете, — улыбнулась та. — Передохните! Обязательно надо отдыхать.

Наверное, это была художница. На остальных Сима просто боялась смотреть.

— Что, уже сорок пять минут прошло? — тихо спохватилась начинающая натурщица.

— Уже час прошел, — так же тихо ответила художница. — Костя обычно предупреждает о переменке, а тут что-то завозился. Вы уж извините нас. А его я сейчас найду и выскажу!

— Ой, да что вы, не надо, — смущенно пробормотала Сима.

— Минуточек десять отдохните, чайку попейте, — ободряюще кивнула ей художница и отошла.

Сима поспешно схватила свой халатик, соскользнула с подиума и скрылась за ширмой, где стоял стул с ее одеждой. На него Сима и присела. Чаю попить? Ох, нет. Это надо к кулеру идти в халате. Ну уж дудки — там толпа художников, и они ее только что видели голо... то есть обнаженной. Чай она и дома попить может.

Час! Ну надо же. Совсем незаметно пролетел. Вот оно как, значит, бывает. Она никак не думала, что может просидеть неподвижно целый час. Потому что почти никогда и не сидела без дела. Может быть, если бы поза ее была менее естественной, она и заметила бы свою неподвижность. Но раз уж ей разрешили принять комфортное положение, то почему бы его не принять и не отдохнуть — прямо во время работы? Оказывается, практически вся ее жизнь и просвистела перед глазами.

Сима вздохнула. Нет. Далеко не вся. Самая беспечальная ее часть. Ну, если не считать неприятных воспоминаний о «дядьке папе». Кстати, как он, интересно? Точнее... точнее, совершенно неинтересно. Даже и хорошо, что он бесследно исчез из их с мамой жизни. Ну, вот что бы она ему могла сейчас сказать? Ничего хорошего. А раз так, то зачем? Ушедшее надо отпускать и обратно в свою жизнь не тянуть. Она даже лицо отцовское забыла. И прекрасно. Ну его.

Вот ведь как — воспоминания так захватили ее, что не собирались отпустить даже на переменке. Сима вынула из кармана часики, взглянула. Прошло девять минут из десяти, которые ей разрешили отсутствовать. Нечего расслаживаться. Ведь отпустят-то ее через три часа в любом случае. Так что нужно снова на подиум. И халат снимать опять...

Она вошла на свою «Голгофу». Ну, ладно, ничего, бывало и гораздо хуже. Деньги очень-очень нужны. Особенно сейчас...

Сима, уже будучи подростком, прекрасно понимала, что деньги достаются нелегко — значит, и став взрослой, надо постараться сделать так, чтобы и заработать и чтобы было красиво. Что тут мечтать о звездах, на которые они с Серегой смотрели вместе и которых с неба не ухватишь. Институт, например. Какой еще институт, это «для богатых»... Оттого и парикмахерская профессия. Ведь именно от Симиных рук будет зависеть и внешность, и настроение ее посетителей.

Сима рассудила, что овладение этим мастерством — дело абсолютно беспроегрышное. Люди всегда будут хотеть стричься, укладывать волосы, делать сложные прически. Молодые девушки, пожилые женщины, бородатые мужчины, лысеющие пенсионеры, мамы с обросшими до лохматости детишками. На свадьбу, день рождения, на юбилей или на Новый год — все хотят выглядеть красиво. Да, Сима сделала верную ставку.

С помощью отчима-главбуха, который провел грамотные переговоры с владельцем магазина, она сняла небольшой угол в их поселковом магазине и постепенно обросла клиентурой. Рука у нее была легкой, характер спокойным и покладистым. Тем более во время работы клиентки болтали с ней о том о сем — им в радость было почесать языки. Обсуждали какой-нибудь фильм или сериал, поведение соседки или родственницы, подружек. Обсуждали и осуждали в основном сами клиентки, Сима помалкивала и поддакивала.

Она за день слышала столько историй, что экранные коллизии меркли. Впрочем, узнав, что та или иная клиентка без ума от каких-нибудь киношных перипетий, Сима радовалась, что ее пристрастия разделяют. Про «свое кино» молчала, конечно.

Сима была нарасхват. Один раз к ней, поджав недоверчиво губы, заявила мать Сергея. Сима оробела, но мужественно сделала ей и модельную стрижку, и укладку.

— Ничего, — оценив в зеркале работу девушки, мило стиво кивнула та, и у Симы отлегло.

— Ну что, стрекоза, отлеталась? Пошли заявление подавать, — сказал Серега так спокойно и буднично, словно это давно уже было между ними делом решенным.

А что, Сима ненапряжная, молчаливая, улыбчивая, готовит вкусно. Вон и мать ее пристроена за главбухом, все чин-чинарем...

— Ну... пошли, — улыбнулась Сима.

Улыбка была смущенной и тихой. Надо же — она выходит замуж. А ей едва-едва восемнадцать. Если бы были подружки, она всех обежала бы, похвасталась. Но Симе всегда было скучновато с девчонками из ее окружения. Вечные обсуждения чьих-то отношений, чаще — осуждения и насмешки за спиной. Сима не хотела так. А как-то раз, еще в девятом классе, услышала и про себя: «Дуреха эта, вечно в облаках витает»...

Хорошо, в облаках так в облаках. Злобу или обиду не затаила, молча и тихо отдалилась. Одной легче, чем в вечном копании в чужом грязном белье или заглядывании в чужие кастрюли.

Сима здорово бы удивилась, если б ей сказали, что в ней с детства прорастает внутренний интеллигент. Ведь истинная интеллигентность зависит не от образования. «Ну, надо же...» Но ей не сказали — некому было.

Но Симу сейчас, конечно, больше всего занимала предстоящая ей свадьба.

— Мамочка! — громким шепотом закричала Сима, улучив момент, когда их никто не мог подслушать. — Мне Сережа предложение сделал!

И осеклась. Предложения-то как раз как такового и не было. Чуть-чуть кольнуло — это ведь не так романтично. А где же этот трепет, когда избранник становится на одно колено и немного дрогнувшей рукой протягивает открытую коробочку? Там нутро красного бархата, и в эту маленькую подушечку утоплен перстенок — пропуск в счастливую взрослую жизнь. И где все это?

Ну, ничего, у нас ведь есть воображение, всегда было! И Сима сразу представила: Серега, элегантный, как французский киноактер из старых фильмов, вечно играющий супергероев, — с распахнутым воротом белой рубашки, обладатель самого уверенного взгляда на свете — появляется на пороге. Конечно же, с коробочкой.

— Ну что, стрекоза, — начинает он...

Нет, не так.

— Единственная!

Нет, тоже не то, Серега так никогда не скажет.

— Уж прости, мне не до мечтаний, — говорит Серега. — Но кое-что я уже сделал. Помнишь ту звезду? Я тут подзаработал и купил ее тебе. Я не шучу. Оказалось, это возможно. Сейчас это даже в моде — там, за бугром, конечно, — покупать астероиды, звезды, я читал... Ну и вот, это мой свадебный подарок. Ты пойдешь за меня замуж?

И звезда нестерпимо ярко подмигнула Симе из пресловутой коробочки. Пусть не та, с неба, пусть это бриллиант. Да даже фианит...

Эту историю, конечно, маме не расскажешь, но она была вполне в духе Сереги. Ну, как Сима про него думала, каким видела его. Он и вправду как тот киноактер — уверенный в себе, немного небрежный и неизменно мужественный. Правда, конечно, практичный. Вряд ли он стал бы тратить деньги на покупку звезды, даже если бы

она оказалась по карману. Сима вздохнула. Серега ведь даже фианита ей не подарил. Она знала почему — непрактично.

— Давай на побрякушки поначалу не тратить, ладно? — деловито сказал он невесте. — Нет, обручалки будут, конечно. Золотые, как полагается. Я сам заработаю. Ну, а так — будем копить на дом. Мы же будем семьей. Не с родителями же тесниться, да?

— Конечно, — улыбнулась Сима.

У нее даже сердце замерло — какой взрослый у нее жених, а одного с ней возраста. Им можно по праву гордиться. Она ему так и сказала:

— Ты такой взрослый. Как это у тебя получается?!

— Ну так, — усмехнулся он. — Я ведь мужик.

И она восхищенно притихла.

Конечно, он рассуждал правильно, и не просто рассуждал. Он взахлеб рассказывал ей, какой проект своего нового дома он придумал с отцом — двухэтажный, с туалетами на обоих этажах и спальнями. И конечно, большой детской.

Он говорил об этом так, словно уже был отцом большой семьи. И это Симе тоже очень нравилось.

— Доченька, — всплеснула руками мама. — Не рано ли?

— Мам, но ведь это Серега, с которым мы уже с девятого класса встречаемся, — объяснила Сима. — Ты же его знаешь. И родителей его. Зачем нам ждать? Как будто что-то изменится от этого. Поступать я все равно никуда не собиралась, у меня уже есть нормальная профессия, и...

Она пожала плечами, не зная, что еще сказать.

— Было у вас что? — с запоздалой строгостью спросила Екатерина Сергеевна.

Сима расплылась в улыбке.

— Нет! — гордо сказала она.

Она действительно гордилась, что они с Серегой такие правильные, что вот до свадьбы — ни-ни.

Сима не знала, что уже в девятом классе, прознав, что парочка активно «провожается», отец Сергеи показал сыну внушительный кулак:

– Не дай бог она в подоле от тебя принесет. Либо по-серьезному, либо никак. Девка она вроде ничего. То, что серенькая, не беда. А мне чтоб никаких историй, понял?!

Сергей был понятливым...

Молодые сами захотели скромную свадьбу. Нечего тратиться и пускать деньги на ветер. Родители с обеих сторон даже удивились – надо же. Гостей – минимум, только родные жениха и невесты, немного друзей и начальство с работы отца жениха. Готовили сами. Приличная, немного скучная свадьба.

А потом началась приличная и... немного скучная жизнь.

Зато спокойная.

Несколько лет все было идеально. Неспешная, добротная стройка, домашнее хозяйство. По курортам, правда, не разъезжали.

– Деньги только трынкать, – ворчал Сергей. – Чего мы там не видели. То же самое, что и здесь. А море – вода и вода, соленая только. Лучше во дворе бассейн сделать. А еще лучше – закрытый, в своем доме. И бильярдную.

От прогресса, стремительно входившего в обиход не избалованных прежде россиян, Сергей старался не отставать. Он страшно гордился тем, что идет в ногу со временем. Вся бытовая техника у них была современная, мощная, машина, разумеется, иномарка. Едва ли не раньше остальных своих друзей Сергей обзавелся мобильным телефоном, купил такой же жене и ворчал в ответ на ее недоуменное «Да зачем он мне?». Постепенно, конечно, Сима привыкла и даже оценила удобство «карманного средства связи», но острой необходимости в нем по-прежнему не видела. Правда, компьютером, тоже последней модели, с выделенным интернетом, пользовалась с удовольствием.

— Что с внуками-то не торопитесь? — невзначай поинтересовался отец Сереги на пятый год их совместной жизни.

— Для себя пожить хочется, — пожимал плечами тот. — Да наше от нас не уйдет...

Еще через год Екатерина Сергеевна, не выдержав, приступила к «допросу»:

— Он не хочет, да? Скажи правду-то, я же мать, я пойму...

— Да мам, — отмахивалась Сима. — Все у нас нормально.

— Да где ж нормально, — начинала сердиться та. — Нормально — это когда через девять месяцев лялька!

— Ну, мам. Будет лялька. Наверное...

Но «лялька» почему-то не появлялась. Хотя Сергей, как и собирался, через два года после свадьбы построил двухэтажный дом. С бассейном. С бильярдной. Диковина. Друзья приходили играть. И пить, конечно. Но все прилично, культурно, «как в кино». Если кто-то перебирал, таких Серега попросту выставлял: «У меня приличный дом! И нечего тут». Его слушались, он был в авторитете не только среди сверстников, но и для поколения постарше. На него смотрели с уважением и завистью.

— Для себя-то нажились, наверное, — поджимала губы свекровь. — Тебе бы провериться.

Сима подумала и в самом деле пошла к врачу. Тщательная проверка здоровья будущей матери — а супруги все-таки озаботились этим вопросом — показала только то, что ее здоровье в норме. А время шло...

— Принимайте витамины, — разводила руками врач. — Так бывает.

— От витаминов ребенок не появится, — начинал сердиться свекор.

— Бесплодная, — вынесла вердикт свекровь.

— Что за чушь — «бесплодная», — рассердилась и Екатерина Сергеевна. — Сына бы своего проверили лучше...

Любой разлад в семье — пусть и со стороны родителей — уже звоночек тревожный. Сами молодые тоже начали проявлять беспокойство.

Сима, привыкшая брать вину на себя, поехала на консультацию в Тверь. В сверкающей чистотой и белыми стенами частной клинике ее обследовали с головы до ног, но ровным счетом ничего не нашли. «Практически здорова», — резюмировала немолодая, опытная терапевт, подытожив заключения специалистов разного профиля, а гинеколог подтвердила и вздохнула — вот бы ей такое здоровье.

— Чует, что в ней самой причина, вот и засуетилась, — резюмировала свекровь.

Эта ее позиция до глубины души задевала Симины мать. А Сима чувствовала только свою вину. Хотя тверские специалисты тоже ничего криминального по части Симиной детородности не обнаружили, и Екатерина Сергеевна все чаще намекала дочери, что та, как жена, имеет право требовать у мужа, чтобы он тоже прошел врачебную проверку.

— Нет, и точка, — рубил свекор. — У нас в роду пустоцветов отродясь не водилось! И ничего тут проверять!

До открытых конфликтов не доходило пока, но шепотки по людям уже поползли. Однажды Серега ошарашил Симу хмурой сплетней:

— У матери на работе языки бабские длинные. Перемывают тебе кости — мол, до меня гульнула где-то, а потом аборт сделала, вот и не можешь забеременеть.

Сима лишилась дара речи. Потом наконец нашлась:

— Ты сам-то в это веришь?!

— Я-то нет, — все так же хмуро сказал Сергей. — Но, как говорится, дыма без огня не бывает.

Сима всплеснула руками:

— Какого дыма? Какого огня?! Я все время у тебя на глазах!

Она не могла поверить своим ушам. Что такого с ним произошло, что он пусть даже и не верит, но повторяет эти чудовищные измышления?

— Да это надо сумасшедшей быть, чтобы такое придумать, — все не могла успокоиться Сима. — Кто это вообще начал?

— А что ты так засуетилась? — прищурился Серега.

— А ты бы не засуетился, если бы про тебя начали такую ерунду сочинять?

— Я бы — нет, — отрубил тот. — А про меня и не сочиняют.

Он развернулся и вышел из их нового дома, оставив Симу в полном недоумении — возмущенную, растерянную, напуганную.

Ночное возвращение Сереги напугало ее еще больше. Словно она снова оказалась в кошмарах своего детства с «дядькой папой» — от Сергея разило водкой и какими-то чужими резкими духами, душными, липкими.

— Ну что, шалава, догулялась? — бросил он ей с порога.

Это слово, страшное слово из ее было забытых снов! Оказывается, ужас догнал ее через столько лет...

— Сережа, что ты говоришь? — бросилась к нему Сима, но он оттолкнул ее. Оттолкнул так, что она упала.

Упала, правда, на мягкий диван, но ощущение у нее было, что она разбилась вдребезги. Это разбилось вдребезги ее представление о нормальной семейной жизни. Сима сжалась, ожидая удара, — как это было с ее мамой. Почему у нее должно быть иначе? Второй брак ее матери — какое-то счастливое исключение...

Удара не последовало. Сергей, оттолкнув жену, скрылся в их общей спальне и затих. Через некоторое время Сима услышала храп. Сама она так и не смогла заснуть — лежала на диване, трогала обивку, вспоминала, как сама выбирала ткань, как гордилась, что смогла сэкономить при выборе модели. Эти воспоминания защищали ее от

более болезненных — как они сидели с Сережей на бревнышке на берегу реки, смотрели на звезды.

Была ли она влюблена в него? Скорее всего, она влюбилась в свои представления о нем. Даже не о нем, а о том, каким должен быть настоящий мужчина, за которого девушка может выйти замуж и прожить беспечальную жизнь, варя ему борщи, стирая рубашки и рожая детей. И Сережа как нельзя лучше подходил под эти представления. Да, Симе не хватало романтики, но из нее супа не сварить. Романтики было хоть отбавляй в фильмах, которые она смотрела, в ее тайных наивных мечтаниях, а Сергей был серьезным, надежным, прагматичным — каким еще должен быть глава семьи?

Семья. Для того чтобы семья могла быть настоящей, нужен был ребенок. Конечно, Сима мечтала о ребенке. Как будет носить его, как он будет брыкаться у нее в животе, как можно будет угадывать, чем он пытается изнутри привлечь мамино внимание — локотком или пяткой. Как он родится. Он — или она. Сима не знала, как это бывает, только читала иногда статьи в журналах. Читать она в принципе не очень любила, хоть и училась старательно, и все, что надо было по школьной программе, конечно, проштудировала, поражаясь, сколь разными идеалами жили люди, начиная с древности. С трудом осилила «Анну Каренину», но умилилась записочкам, которые писали друг другу Левин и Кити. Надо же, угадывать содержание по одной букве, вот это любовь! Настоящая...

А у нее что, не настоящая? Она бы хотела, чтобы у нее в жизни было что-нибудь подобное, но — нет. В жизни были обязанности, которые она старательно и честно исполняла, а теперь вот эта страшная, невозможная сцена, после которой Симе только и оставалось делать, что лежать, сжавшись, на диване и думать о том, в чем же она провинилась и что ей теперь делать дальше. «Все смешалось в доме Облонских»...

Под утро она все же заснула, опустошенная, точно выпотрошенная, пытаясь выгнать из себя осознание того, что семья их начала неотвратно распадаться.

Первое, что она увидела утром, был хмурый Сергей, сидящий рядом с ее диваном в кресле. Сима сжалась в ожидании новых упреков и жестоких слов, но Сергей проронил только:

— Прости, стрекоза. Я вчера круто взял, это да. Не помню почти ничего. Только как был зол.

Сима молчала.

— Но ты и меня пойми, — повысил он голос. — Достали все! Мать, отец, начальник его тоже — отец от него зависит, не поспоришь. Реально весь мозг продолбили, почему потомством не обзаводимся! Я, что ли, им рожать буду?! Куры эти еще с работы материнной. Кудахчут, хрень несут какую-то...

«Однако ж, ты эту хрень слушаешь и повторяешь. И откуда эти запахи водки и чужих духов? И почему шалавой ты называешь меня, а не ту курицу, чьими духами ты вчера вонял на всю комнату?!»

Так надо было бы сказать Симе. Но она не сказала. Только испытала небывалое облегчение — он попросил прощения! Он понял, что был не прав. А раз понял, то разве ему придет в голову повторить это еще раз?! Зачем?

И, чтобы не обострять, Сима тихо сказала:

— Серез, если хочешь, я еще раз съезжу к врачу, в Тверь. К другой, не к той, к которой до того ходила. Хотя, в целом, три раза уже была и все анализы сдавала, тоже три раза. Они сами не знают, почему так, но говорят, что такое бывает. Все в норме, а беременность не наступает. Говорят, стресс или другие причины... Медицинских ведь патологий нет!

— Стресс, — покрутил головой Сергей. — Вот почему мужики не беременеют — из стрессов не вылезают... Ладно, хорош дуться. Пошли делать бэбика.

И он притянул ее к себе.

Сима перевела дух — семья не развалилась, все наладится. Но внутри ее с того дня поселилось отчуждение. Все чаще она смотрела на мужа новыми глазами. И эти глаза подмечали все то, на что раньше они закрывались. На его грубоватость. Ограниченность. Прижимистость — не сказать жадность. Экономия в семье — это нормально, но Сергей явно перегибал палку. Зарабатывал он прекрасно — вот ведь и дом построили, и удобства в нем все сделали. Не хуже, чем у людей, как говорится, а во многом и гораздо лучше.

В доме был компьютер, и Сима потихоньку изучила, как им пользоваться. Оказывается, интернет — это такое окно в мир! Причем социальные сети совершенно Симу не привлекали. В основном она рассматривала фото природы других стран. Стран, в которых она не побывала и, наверное, уже и не побывает... Но некоторые идеи по интерьерам — простые, но очень стильные — Сима там подсмотрела. Быт Сима всегда держала на высоте.

Питание — лучше не бывает. Сергей даже наел животик уже за три года супружества. А что ж не наест, если жена обожает готовить и делает это отменно. Да не скучно, а с выдумкой — вечно какие-то мудреные салатики и пирожки помимо прочих сытных обедов. Выпечка — такая и всякая — любая.

— Мужики на работе завидуют, — периодически довольно замечал Сергей, которому жена каждый день снаряжала вкусно пахнущие судочки.

Сима была довольна тоже. Но все чаще муж рассказывал ей о детях коллег — о тех, что пошли в детсад, в школу или только что родились. Последние два года от этих рассказов Сима внутренне сжималась, и Сергей, чувствуя это, осекался и переводил разговор на другую тему. Но все чаще после «шалавной ссоры» (Сима так это про себя и называла) муж, вскользь упоминая о чужих детях, мрачнел и уходил в себя. Один раз даже преодолел свою

страсть к экономии и практичности — это ведь нужно было им обоим! — и отправил жену в санаторий для лечения бесплодия. Бесплодия не обнаружили и там. Но и после санатория Сима не беременела...

— Пусть Сергей ходит к врачу, — не переставала подзуживать Екатерина Сергеевна. — Пока не поздно. Не молодеете, чай!

Это был бег по замкнутому кругу.

— Мам, ну оставь ты-то меня в покое, — безнадежно отмахивалась Сима. — Видимо, просто нельзя, чтобы все было хорошо. Или далеко не у всех так. И муж любящий и непьющий, да чтобы с деньгами, и домом, и со здоровьем все в порядке... Обязательно какая-нибудь ерунда будет мешать. Или не ерунда.

— В конце концов, некоторые живут и без детей, — грустно говорила мама. — Это если любят друг друга. Доченька, у вас все хорошо?

И Сима замолкала. Она не знала, что на это ответить.

Ведь поначалу все хорошо у всех. Мечты, совместные планы, розовые очки, да просто обычные бытовые надежды. Сима прекрасно понимала мужа. Он, как и все, мечтал о стандартном налаженном быте, о семье. Чтобы «как у всех и на уровне». Когда мужчина не может обеспечить этот уровень материально, у него копится недовольство собой. Увы, частенько это недовольство может вылиться на того, кто ближе всего, — на вторую половину. Но в их случае материальная и бытовая сторона была на высоте. Значит, кто слабое звено в их ситуации? Сима. Кто виноват? Сима. На кого все шишки упадут в случае чего? На Симу...

Сима безропотно сносила попреки и придирки со стороны мужниной родни. Но на другой день после того, как произошло это событие (было ли оно «событием» для мужа, Сима не знала), она совершенно безотчетно в конце дня отложила часть своей прибыли от работы в парикмахерской в конверт и спрятала его в своей ста-

рой сумочке. «Это начало конца?» — спросила себя Сима и не нашла ответа.

Ответом была сама жизнь. Текли дни, один безрадостнее другого, и потихоньку тек скудный ручеек пополнений в «стыдный конверт», как она его про себя называла. Она никому не говорила о нем, даже маме. На что она откладывала? Сима не знала. Но точно не на новую сумочку... На черный день. А дни пошли один чернее другого.

Та странная пьяная мужнина выходка была, увы, первой ласточкой. Потом полетели другие.

С одной стороны, это было закономерно — Сима так и не беременела, и ситуация никоим образом не разрешалась. Сергей все чаще приходил домой позже, и от него пахло алкоголем и незнакомыми запахами. Он отмалчивался, а Сима ничего не спрашивала.

Потом стало еще хуже — пошли претензии и упреки. Пьяные дебоши мужа, когда он не просто повышал голос, а по-настоящему пугал ее своим свирепым перекошенным видом. Она боялась, что он ударит ее. И не знала, что муж просто боялся своего отца. А тот, как и тогда, в девятом классе, припугнул, что ему не нужны проблемы с «приносом в подоле», сейчас предупредил отпрыска: «Хоть только синяк попробуй на ней оставить. Хоть раз услышу, что руку на нее поднял. Мне судов не надо, заруби на носу!»

Сима перестала узнавать в муже того уверенного в себе спокойного Сергея, которым он был в первые несколько лет после свадьбы. Теперь он уже не просто задерживался с работы, а порой и вовсе не возвращался. Демонстративно перешел спать в другую комнату. Симе казалось, что она попала даже не в кошмар, а в непрекращающийся бред. Ночные скандалы, которые наутро иногда разрешались ленивыми и почти издевательски-ми извинениями.

— Ох, смотри, загуляет он от тебя, — шурила глаза све-кровь.

— Он уже давно гуляет, — отводила глаза Сима.

— А ты видела? Свечку держала? — нападала та.

— Для этого даже не надо держать свечку, — безнадежно отворачивалась Сима. — Ведь это не к вам он приходит после работы пьяным и пахнущим чужими духами!

— Допрыгалась, — злорадно констатировала свекровь. — Мужа удержать не можешь, детей ему не рожать — и какая ты после этого жена?!

Увы, сплетни тоже удержать было невозможно. Ведь через Симины руки, точнее, ножницы в этих руках за день проходило немало женщин, и среди них попадались и односельчане. Они и просветили молодую парикмахершу в том, что ее муженек таскается с некой Светланой, работающей в винном отделе продовольственного магазина. Сима ее даже вспомнила — она ведь иногда тоже заходила в этот магазин — довольно вульгарного вида блондинку, громкую и хамоватую.

— А ты ей волосенки-то обесцвеченные выщипли, — советовала работающая в том же магазине пожилая уборщица, которая пришла к Симе подстричься, а скорее всего, подпитаться сплетнями. — Уж до чего девка наглая, так к твоему и липнет! Титьки вывалит и ржет, как кобыла, губищи красные навывкате, смотреть пакостно, тьфу!

Вот, значит, какие ее Сергею нравятся... Доступные. Слышать такое в разгар работы было не просто неприятно — невыносимо. Что же он не на ней женился, а на Симе? Светлана ему вряд ли стала бы котлетки и плюшечки каждый день готовить. Зато наверняка в постели умеет штуки откалывать.

Воображение быстро нарисовало Симе картину — как она сама, в обтягивающем латексе алого цвета, в прыжке с разворотом выбивает сопернице зубы высоким и острым каблуком, и те вместе с фонтаном крови веером разлетаются вокруг них.

Вот как в таком состоянии наводить красоту?! Спohватившись, что чуть не отхватила клиентке ухо, Сима со-

брала остатки воли в кулак и, через силу улыбаясь, достригла уборщицу. А потом позвонила клиентке, которая должна была приехать через полтора часа на окрашивание, и, извиняясь, сослалась на очень плохое самочувствие.

Конечно, она теряла в деньгах, но какая уж тут сегодня работа?!

По всем законам жизненной логики у этой истории должен быть финал. И он, разумеется, настал – в лучших, а точнее, в худших традициях.

– Светка беременна, – выпалил Сергей неизвестно с чего победным тоном. – От меня! Так что у меня-то, как видишь, все в порядке.

– Вижу, – сухо сказала Сима, удержавшись от ехидного: «Вас поздравить?»

Больше ни слова не говоря, она взяла свою старую сумку с заветным конвертом и вышла из дома.

Глава 2

«В МОСКВУ! В МОСКВУ...»

— Мама, я развожусь с ним, — горько сказала Сима маме и, не выдержав, разрыдалась, уткнувшись в родное плечо.

— Девочка моя, — гладила ее мать. — Да давно пора было. Видела я, что тебе с ним несладко. А что я сделать-то могла? Бессловесная ты у меня...

— Мам, а что слова, — всхлипывала Сима. — Все одно к одному. Не любит он меня! Да и я его, наверное. Я вообще не знаю, что такое любовь!

— Любовь-то — она всякая, — растерялась мать. — Лишь бы лад был.

— Мам, ну это опять только слова!

И она рассказала матери все, о чем молчала раньше.

— Восемь лет прожили, и вон оно как, — растерялась мать. — У вас лада, получается, и не было... Если он в самом начале есть, то он никуда и не девается потом.

— Но поначалу-то все было хорошо! — плакала Сима.

— Так это по молодости, — вздыхала Екатерина Сергеевна. — А потом взрослеют, притираются друг к другу. А если вот такая грызня начинается да столько лет продолжается без просвету, то прекращать все надо. Даже если он и рук не распускает, как твой отец. Сколько уж ты мучаешься, а? Кому это надо? Я в свое время с отцом твоим так уж намучилась, что мне за радость просто покой. Может, покой — любовь-то и есть.

— Мам, да какой тут покой! — воскликнула Сима, у которой слезы лились, не переставая. — У меня на работе руки дрожать стали. Если я еще стричь начну вкривь и вкось, я и зарплата последнего лишусь! Поедом они меня все едят из-за этого ребенка... Откуда я знаю, почему не рожаю, и никто не знает, ни один врач! А какая же это семья — без детей!..

— Ну, ты уж тоже, — тон Екатерины Сергеевны стал строже. — Не повторяй за другими ерунду. Вот у нас с Виктором Семеновичем нет детей не потому, что там что-то со здоровьем у нас или в семье что-то плохо. Душа в душу живем и без детей. Ты у нас есть, доченька! И Виктор Семеныч за тебя, как за свою. Вот это, я считаю, и есть нормальная семья, потому что мы заодно с ним. Уходи ты от своего Сергея к чертовой матери!

— Мам, так я ж к тебе приду, — фыркнула и одновременно всхлипнула Сима. — То есть получается, что ты чертова мать... а я вообще черт... чертовка!

Она подавилась смехом, и мать и дочь захохотали в обнимку.

Так их и застал Виктор Семенович.

— Вы что это, девушки, с ума сошли? — осведомился он, глядя на них с порога.

Те расхохотались еще пуще:

— Мы не девушки, мы чертовки!

— Поня-я-ятно, — махнул он рукой. — Веселитесь, я не мешаю. Пошел ужинать в гордом одиночестве.

Но ужинать в гордом одиночестве ему, конечно, не дали — помимо котлет «на десерт» главбух скушал известие о предстоящем Симином разводе.

— Давно пора, — припечатал он. — Промежду прочим, вот вам слушок о том, что у свекра-то твоего рыльце в пушку. Это я про его финансовые махинации в особо крупных. О продаже леса на сторону, еще кой-чего... Не прищучили покуда, да и своя рука в администрации есть, но по краю ходит.

— Откуда такие сведения? — прищурилась Екатерина Сергеевна.

— От верблюда, — построжел Виктор Семенович. — Меньше будешь знать, дольше не состаришься. Подайвай, дочка, на развод. Сама. Основание есть — измена! И пусть только попробуют что-то вякнуть!..

...Бракоразводный процесс дело всегда неприятное. А Симин развод усугублялся тряской на людях грязного белья. Без суда, хоть и не было детей, все равно не обошлось. Свекровь зашла так далеко, что на слушании вылила на невестку не один ушат словесной грязи, и люди в зале стали шепотом обсуждать услышанное — и мнимые «загулы» невестки, и ее ранний аборт, повлекший за собой бесплодие. Сима была так потрясена этой наглостью, что чуть не заплакала, но им повезло с судьей — та на корню пресекала всяческие попытки очернить истицу.

— В материалах дела фактов об этом нет, — строго сказала судья. — Свидетели есть у вас, которые могут так или иначе подтвердить ваши слова?

— Нет, но... — растерялась свекровь.

— В противном случае суд может привлечь вас за клевету, статья сто двадцать восьмая УК РФ, — предупредила судья, и свекровь немного попритихла.

На развод — вследствие измены мужа — подавала именно Сима, чем глубоко возмутила всю мужнину родню. По их мнению, невестка должна была по гроб жизни быть благодарной мужу за то, что он «вытащил ее из нищеты», а вместо этого, будучи виновной во всех смертных грехах, посмела... А вот Сергей-то про беременность своей придуманной подруги, оказывается, пошутил! Нет никакой подруги и нет никакой беременности, а Сергея очернили. Ведь, в самом деле, никто свечку-то не держал!

Дележка совместно нажитого имущества была и того хуже. Оказалось, что почти все — и дом, и машину, и даже мелочь вроде стиралки или телевизора — родители Сергея оформляли на себя. И по закону Симе принадлежало

так мало, что на эту часть даже смешно было претендовать. Сима все ждала, что встанет отчим и победно выложит факты о делишках ее свекра, чтобы, так сказать, нанести ответный удар и реабилитировать падчерицу, но не дождалась. Она было расстроилась, но вовремя поняла, что ее развод никакого отношения к делишкам свекра, который вот-вот станет бывшим, не имеет. Поэтому приходилось помалкивать, куда родственницы со стороны мужа разливались соловьем.

А свекровь не постеснялась даже перечислить затраты на санаторное лечение невестки.

— Все для нее, все для нее, — стонала она. — А она...

Сима решила ничего не требовать и на вопрос судьи, имеются ли имущественные претензии, сказала, что претензий нет. Она и так уже чувствовала себя достаточно выпачканной, впору в баню идти. Или хотя бы в душ...

— Вот это и есть самый черный день в моей жизни, — выходя из суда, сказала обессиленная Сима маме и Виктору Семеновичу. — Ничего мне не надо, только забыть бы это поскорее.

— А вот фиг ему — «самый черный день», не дождется, — имея в виду Сергея, сверкнул глазами Виктор Семенович. — Праздновать будем. Хороший день сегодня у тебя, дочка. Прощание со старой жизнью.

— Праздновать развод — это уж как-то чересчур, — с сомнением сказала Сима.

— Самое то, — убежденно возразил отчим и без колебаний повез их в ресторан — не так давно они с матерью позволили себе машину, и он очень гордился, потому что хоть она была и старенькой, но на хорошем ходу. — Пить много не будем, нечего пример с бывшего брать. Но тебе просто-таки нужно одну-две рюмашки махануть. И закутить как следует. Истаяла вся, как свечка. И все молчком, молчком...

— Гордая она у меня, — тихо заметила ему Екатерина Сергеевна. — Тихая, но гордая.

Сима грустно усмехнулась. Она была очень благодарна за моральную поддержку в такой тяжелый для себя период. Там, за столом, и состоялся их небольшой семейный совет.

— Мне двадцать семь лет, — с горечью сказала Сима. — Считайте, ничего не достигла, просто на месте топталась. Ну, стричь научилась, и вроде как неплохо. Ну, готовлю хорошо. Идеальная жена, но это было никому не нужно. И я хочу начать жизнь совсем с чистого листа. Уехать в Москву. Потому что это... Как на другую планету. Но и на другой планете стричься хотят.

Родители переглянулись.

— Я на первое время накопила, — продолжала Сима. — Начала давно, сама не зная, на что. Когда почувствовала, что земля из-под ног уходит... Копила долго. Может, для Москвы это и капля в море, конечно. Но, думаю, на первое время — на аренду жилья, пока работу ищу, мне хватит даже там. А потом посмотрим. Другие же не пропадают, и я не пропаду.

Родители снова переглянулись.

— Круто взяла, — крикнул Виктор Семенович и решительно налил себе рюмку. — Это надо отметить. Но, знаешь ли, кто не рискует, тот и не выигрывает. Я считаю, ты молодец. Умная, симпатичная, скромная, воспитанная, молодая, без дури в голове — не должна ты пропасть. И мы в любом случае подсобим, чем сможем.

— Ох, дочка, — покрутила головой Екатерина Сергеевна и тоже, поморщившись, выпила рюмку. — За тебя, за твое решение... Переживаю я, но ты меня не слушай. Делай, как задумала. Сбережения у нас есть, мы на первое время тебе подбросим. Чтобы не за МКАДом жить, а где попримичнее.

— Я отдам. Я там обязательно закреплюсь, — твердо сказала Сима. — А потом сама буду вам помогать.

Конечно, она боялась. Но решила, что если она не сделает того, что задумала, то будет жалеть об этом всю

оставшуюся жизнь. Она смотрела фильмы — и старые советские, и современные — о таких же, как она сама, «переселенцах» и видела кадры собственного «кино». Вот она стоит с двумя чемоданами — старым, потертым, советских еще времен и новеньким, на колесиках. Наверное, они символизируют ее старую и новую жизни. И вот стоит она, не зная, куда идти, а ее обтекает нескончаемый поток людей... И валенки в отдельном пакете, которые она пытается стыдливо спрятать за спину.

Нет, конечно, на самом деле все было не так. Валенки никаких не было. Правда, отчим собственноручно купил ей новенький чемодан на колесиках на следующий же день после похода в ресторан — все, как в ее видениях. Но перед тем как куда-либо ехать, Сима тщательно проштудировала в интернете объявления о сдаче квартир внаем. Отчим пускал ее за свой компьютер — ведь ей, разумеется, не отдали тот, что был в мужнином доме. Биться за него она не стала, хоть компьютеров у них и было два и еще ноутбук. Солить они их, что ли, будут? Но уж с чистого листа так с чистого, с нуля так с нуля...

Цены на отдельные квартиры были — не подступиться. Сима умерила амбиции и стала присматриваться к объявлениям о комнатах, причем расположенных подалеже от центра.

— Главное, смотри, чтобы метро было недалеко, — советовал бывавший в Москве Виктор Семенович. — На метро в Москве куда хочешь можно доехать. Быстро и удобно, только что народу очень много.

Мысль, что можно не тратить слишком много времени на дорогу, Симе понравилась. Она еще не забыла, как ее мама когда-то добиралась до работы — на велосипеде или пешком. Где будет ее собственная работа, Сима пока тоже не представляла, да и не могла представить — судя по карте, Москва была такой огромной...

Объявлений о сдаче комнат было немало, в некоторых и цена казалась довольно привлекательной, но каж-

дый раз не складывалось — то по указанному телефону никто не отвечал, то говорили, что комната уже сдана, то выяснялось, что остальные комнаты снимают целые бригады гастарбайтеров из Средней Азии. Дошло до того, что Сима уже стала относиться к изучению объявлений как к работе — проверяла их по нескольку раз в день, отслеживая появление новых.

Наконец, субботним утром она обнаружила новое объявление о сдаче комнаты в районе Выхино-Жулебино, на улице Ферганской. Все выглядело очень привлекательно — цена сносная, комната изолированная, без посредников, договор с собственником, в соседях — две молодые женщины. И аж две станции метро практически в шаговой доступности — «Выхино» и «Рязанский проспект». До метро всего от восьми до пятнадцати минут пешком — это вам не до деревни Прислон на автобусную остановку!

Сима немедленно позвонила, куда жилье не перехватили, волнуясь, выслушала, что ее звонок не первый, слезно умолила подождать ее до завтра и обещала заплатить за три месяца сразу помимо обеспечения на случай форс-мажора. Единовременно выложить такую сумму было для Симы огромной финансовой брешью, но отступить было некуда. Жечь мосты так жечь. Первое время можно жить и впроголодь.

— Мам, я насчет комнаты договорилась! — одновременно со страхом и жаром выпалила Сима. — Я это им лягнула и сама опешила. Надо ведь завтра ехать уже. Мам, что делать?!

— Надо так надо, — спокойно сказал Виктор Семенович. — И поедешь. А что у тебя глаза как у побитой собачонки? «Мам-мам».

— Растерялась она, сказано же, — повторила Екатерина Сергеевна. — Что непонятного.

— Ну, она растерялась, а мы найдем, зря мы тебя, что ли, в ресторане в день развода пропивали, — крикнул отчим. — Шучу. А Москва, она ждать не любит. Поедешь не

завтра, а уже сегодня. С машиной я договорюсь, наша не потянет. Докинут до Твери, а там на вечерней электричке в столицу. Переночуешь у родственницы моей, я сейчас ей позвоню. На «Савеловской» они живут. Правда, от метро там топать прилично...

— Да, точно, у тебя же там дочь двоюродного брата, — вспомнила Екатерина Сергеевна.

Они виделись редко, супруги не хотели обременять московскую родню. А поскольку те были за это, похоже, благодарны, отношения у них были хорошими...

— погоди, пожалуйста, Виктор Семеныч, не звони, — попросила Сима. Как-то так сложилось давно, что Сима стала называть отчима по имени-отчеству, но на ты. Это было и уважительно, и по-родственному.

— Годю, — согласился тот. — А чего?

— Да шас, соображу...

А Сима еще раз залезла в интернет. Да уж! «Савеловская»! «Ее» «Выхино» совсем в другой стороне... Может, рискнуть прямо по адресу? А почему нет-то? Поздно вато, конечно, но попробовать стоит.

— Виктор Семеныч, я просто представила, — рассудительно сказала Сима. — Вещей будет много. Сначала по одному адресу, а наутро на другой почти конец Москвы. Воскресенье, толкучка небось. Измотаюсь только. Да еще родню напрягу, зачем? Если ехать и впрямь сегодня, лучше уж сразу до места.

— Смекаешь, — одобрительно прикинул отчим. — Мать, мы-то с тобой не дотумкали! А Серафима — раз, и в дамки! Тогда насчет машины буду звонить. Такси дорого, а со своими уж как-то подешевле договорюсь. А ты снова звони этой своей квартирной хозяйке. Если вариант хороший, не ровен час уведут!

Сердце Симы стукнуло испуганно, и она снова схватилась за телефон.

Хозяйка квартиры была не особо против позднего приезда, похоже, ей тоже хотелось побыстрее решить во-

прос. Так что покауда все неплохо складывалось. Да и на-счет машины отчим договорился без проблем — Симу обещали довести до тверского вокзала к предпоследней электричке.

— Что ли, и впрямь едешь? — вдруг оробела Екатерина Сергеевна.

И обе, не сговариваясь, кинулись друг к другу. В голос, конечно, не плакали, но...

— Ну вас, бабы, расстройство одно с вами, — махнул рукой отчим, уходя на кухню с телефоном.

Но, судя по запаху валерьянки, который потом учуяли обе женщины, проняло и его. Все же он был хорошим человеком, и падчерица была ему не совсем чужой.

Два чемодана, старый и новый, понятное дело, были у Симы уже собраны. В них были упакованы самые лучшие платья и кофточки, теплые вещи и любимые рабочие инструменты.

— Еда-то! — подхватила Екатерина Сергеевна.

Конечно, и всякие банки-склянки тоже были собраны загодя, но ведь дорога длинная, тоже перекусить захочется.

Глядя на эту непривычную суету вокруг своей персоны, Сима совсем затосковала. А чтобы не было так жутко и не сосало под ложечкой, Сима фантазировала, что летит на Марс, напроочь забыв о том, что если уж чего и опасаться, то того, что едет она на вечерней электричке и везет с собой крупную сумму денег. Нет, ее мысли занимали картины о том, что неумолимая сила выталкивает ее с Земли, а лет ей не двадцать семь, а пять, не больше.

Сима представления не имела, как ощущают себя люди в такой ситуации — решив круто, одним разом изменить свою жизнь, — но сама она чувствовала себя именно так. Ребенком, навсегда покидающим надежный голубой шарик по имени Земля. Впереди холодный, равнодушный космос и около трех часов монотонной тря-